

ЛИТЕРАТУРНЫЕ НАСАЖДЕНИЯ

Иногда мне думается, что любое литературное произведение по его структуре, размеру, красоте и всевозможным особенностям можно отождествить с каким-либо растением: например, представить в виде дерева.

Да, в виде дерева: сюжет – это ствол дерева, корни – пока не знаю, возможно, корни – это замысел, причудливо изгибающийся в извилинах удобренного вдохновением автора. И есть ветви: раскидистые ответвления от основного ствола, своеобразные отростки витиеватых мыслей. Ползёшь вверх по стволу-сюжету и постоянно то и дело сворачиваешь в сторону от основного направления, перелезая на очередную ветку, а потом, достигнув тоненького окончания ответвившейся мысли, снова возвращаешься к корневому каталогу – стволу, к стержню сюжета.

В последнее время, погружаясь в сравнительно молодую часть литературного леса, я обнаруживаю, что сюжеты встречаются все чаще слабенькие, стволы – короткие, но зато какие раскидистые ветви! У В. Пелевина стволы, пожалуй, самые короткие, но ветви... самые шикарные, самые густые, запутаешься в них и повиснешь, как игрушка на новогодней ёлке. Это скорее даже не деревья, а густой подлесок: ствола почти нет, но зато ветви сплелись и распространились на все окрестности. В высоту, однако, вся эта литературная биосфера не выходит выше пояса.

У Е. Полякова стволы более длинные и ветви менее раскидистые, зато почти каждая из них заканчивается элегантной эротической шишечкой, после освоения которой читатель в изнеможении скатывается, наконец, назад, к сюжетному стволу.

Наверное, они так и пишут, эти признанные мастера современной литературы – небольшая сюжетная последовательность (может быть, даже в виде блок - схемки или таблички) на одну – две странички, со множеством сучков – будущих веток, на которые потом, не торопясь и смакуя, автор «присобачивает» раскидистую лапу, многие из которых заготовлены, обсосаны и «вылизаны» уже давно, заранее. Можно прилепить веточку к этому стволу, а можно – к другому, зависит от ожидаемого «листажа» произведения. Таким образом автор добивается нужной критической бумажной массы при значительной короткоствольности дерева. И весь пишущий мир усаживает пространство произведениями – деревьями, среди которых подавляющее большинство – короткоствольные, и даже зачастую с весьма небогатой ветвистостью.

Но есть деревья... (здесь мечтательно смотрим вдаль, взгляд наш затуманен и рассеян) ...у которых ствол состоит из совокупности нескольких переплетающихся

живительных артерий – сюжетных линий, лейтмотивом идущих от корня до самого кончика ствола – макушки (кульминации).

Возьмем наиболее удачные произведения уже названных авторов. У В. Пелевина в «Generation P» - это ботинки советской фирмы «Скороход», сопутствующие социальным метаморфозам, отражаемым в сознании героя, особое орально-анальное восприятие модели мира и что-то еще, разве поймёшь.... У Е. Полякова в «Грибном царе» это собственно лес, вкрадывающийся во все строки произведения, жена Тоня, девицы и тот самый Супергриб, способный исполнить сокровенные желания затравленного бизнесмена. Эти линии образуют ствол, и именно длина и своего рода неровность ствола с наличием на нем шершавой коры, сучков, особой сердцевины и определяют истинное писательское мастерство, а вовсе не пухлые пластмассовые ветви эпизодических отступлений, создание которых подвластно всякому здравомыслящему человеку, если он достаточно умён для того, чтобы суметь переметнуться из племени лазающих по деревьям читателей в уважаемую касту писателей-творцов – Великих литературных лесничих.

©&© Никита Цимбельман, январь 2006